

Глава VII. Баррикады Барселоны

“Что ж, человек? — За ревом стали, В огне, в пороховом дыму, Какие огненные дали Открылись взору твоему?

Александр Блок

Атака на Телефоннику

3 мая «к Центральной телефонной станции, которую обслуживали преимущественно члены НКТ, подкатило несколько грузовиков, набитых вооруженными гражданскими гвардейцами, которые, прыгнув на землю, вдруг бросились на штурм здания»[1006]. Многоэтажное здание «Телефоники» охранялось примерно 30 анархо-синдикалистами при 4 пулеметах. Атака была предпринята внезапно, «без каких-либо предварительных переговоров»[1007]. Акцией командовал член ОСПК, генеральный комиссар охраны порядка Р. Салас. Свои действия он согласовал с руководителем службы безопасности А. Айгуаде (партия Компаниса). Последний опросил несколько министров, но, по данным советского консула В. Антонова-Овсеенко, Л. Кампанис и Х. Таррадельяс находились вне Барселоны и были «застигнуты врасплох»[1008] этими событиями. Обосновывая необходимость захвата телефонной станции, лидер ОСПК Х. Коморрера говорил об этом объекте: «Это не чья либо собственность, и во всяком случае это будет собственность общества (коммуны), когда правительство республики национализирует ее»[1009]. Однако будущее время, употребленное в речи, показывает, что коммунисты понимали — на момент атаки телефонная станция не была государственной собственностью и находилась в распоряжении коллектива (по декрету о коллективизации), в большинстве своем состоявшего из членов НКТ. Во главе рабочего совета станции стоял делегат Женералитата[1010]. Никаких правовых оснований для захвата станции не существовало.

Как вспоминал один из руководителей ОСПК П. Рибя, решение атаковать телефонную станцию было принято в самом конце апреля на заседании исполкома ЦК ОСПК при активном участии представителя Коминтерна Э. Гёре (Педро). Впоследствии приверженец силовых методов Э. Гёре станет одним из виновников кровопролития у себя на родине в Венгрии в октябре 1956 г. Педро говорил: «НКТ прослушивает все переговоры правительства, Женералитата и заграницы. Нельзя позволить, чтобы это продолжалось»[1011]. Это заявление Гере может показаться парадоксальным, если вспомнить, что НКТ входила и в правительство, и в Женералитат. «Подслушивание» само по себе не смущало коммунистов — они и сами прибегали к подобным методам[1012]. К тому

же на станции «технический контроль осуществлялся совместно НКТ-ВРС»[1013], а не только анархо-синдикалистами. Рабочие телефонной станции не скрывали своего присутствия на линии, считая право «масс» контролировать «конспирации» правительства завоеванием революции[1014]. Поводом к нападению стало вмешательство телефониста в разговор президентов Испании и Каталонии. Конфликт, связанный с прослушиванием, мог быть решен с привлечением членов Женералитата от НКТ. Но радикалы в руководстве ОСПК стремились именно к столкновению. Характерно, что они не поставили в известность об акции ни Компаниса, ни Антонова-Овсеенко, ни, по версии последнего, даже ЦК ОСПК: «попытка очистки станции была предпринята под руководством их человека, без ведома ЦК...»[1015]. Выше мы видели, что необходимость захвата здания «Телефоники» обсуждалась по крайней мере на исполкоме ЦК, но советское консульство не стали ставить в известность, тем более, что представитель Коминтерна был в курсе. Однако ни Гёре, ни лидеры ОСПК не представляли себе, чем обернется их «демонстрация силы», и, судя по всему, не согласовывали свое решение ни с Валенсией, ни с Москвой.

Готовя нападение на «Телефонику», Айгуаде распространял слухи о подготовке восстания анархистов, чтобы «смягчить свою ответственность за рискованную операцию»[1016].

Гвардейцы ворвались на станцию, но «красивой» спецоперации «лицом на пол» не получилось. Рабочие оказали сопротивление. Началась пальба. К защитникам «Телефоники» присоединились рабочие НКТ. В итоге национальные гвардейцы закрепились только на первом этаже.

Айгуаде потребовал подкрепление в 150 гвардейцев — прибыло только 16[1017]. Остальные в этот момент были уже блокированы.

Весть о нападении на станцию разнеслась по городу, вызвав возмущение рабочих НКТ и их союзников. Конфликт еще можно было погасить. Вскоре после начала столкновения НКТ и руководству Женералитата (но не коммунистам) удалось достичь соглашения об отводе национальных гвардейцев от телефонной станции. Но в это время стало известно, что по приказу Р. Саласа разоружаются рабочие патрули НКТ[1018]. Тогда лидеры НКТ предложили правительству немедленно отправить в отставку А. Айгуаде и Р. Саласа. Отклонение этого требования повлекло за собой всеобщую забастовку в Барселоне[1019]. Город быстро покрылся баррикадами. Началась стрельба уже по всей Барселоне. «В тот же день, между тремя и четырьмя часами, прогуливаясь по Рамблас, вдруг услышал позади несколько винтовочных выстрелов... — вспоминал Д. Оруэлл. — Я сразу же подумал: „Началось!“ Но подумал без особого удивления: уже несколько дней все жили в ожидании, что вот-вот „начнется“»[1020]. Руководство НКТ, ФАИ и ПОУМ[1021] не давало по этому поводу специальных указаний. «Никто из нас не принуждал массы Барселоны предпринять эту акцию. Это спонтанный ответ на сталинистскую провокацию... Максимальное требование — отставка комиссара, который спровоцировал развитие событий», — писал член исполкома ПОУМ Ю. Горкин[1022].

По словам министра-анархиста Д. Абада де Сантильяна, «почти вся Барселона была под контролем наших вооруженных групп... Они не двигались со своих позиций. В противном случае им было бы не трудно преодолеть небольшие центры сопротивления». По мнению

Сантльяна, в этот момент НКТ и ФАИ могли без труда захватить власть, «но это нас не интересовало, поскольку это очевидно противоречило нашим принципам единства и демократии»[1023]. По оценкам советских наблюдателей соотношение сил действительно было не в пользу ОСПК и националистов, хотя и не столь сокрушительное, как считает Абад де Сантльян. Гражданская и национальная гвардия — 2500–3000 бойцов; ОСПК и ее союзники — 2000–2500 бойцов — всего 4500–5000 против 7000–7500 бойцов (из них до 1000 — ПОУМ)[1024]. ОСПК смогла приберечь в тылу 20 тяжелых пулеметов[1025].

Лидеры НКТ стремились к скорейшему достижению компромисса. Их требования на переговорах о прекращении огня 3–4 мая были минимальны: реформирование Женералитата без прежних его членов[1026]. Уже 3 мая НКТ предложила ОСПК переговоры, но она не пошла на это, чтобы «не ослабить впечатления решимости дать отпор путчу»[1027] (так они объяснили свою позицию Антонову-Овсеенко).

«Наша кровь кипела. Барселона была окружена нами. Одно слово — и мы были готовы вычистить коммунистических заговорщиков и их неприкаянных, интригующих мелкобуржуазных лакеев, саботирующих революцию», — вспоминает о своих ощущениях анархо-синдикалист Х. Коста. Более проникательные участники движения уже тогда чувствовали серьезную угрозу. По словам умеренного синдикалиста Х. Манента, «коммунисты организовали провокацию, и НКТ, всегда готовая схватить приманку, попалась на нее»[1028]. Однако стало очевидно, что противники анархо-синдикализма в Каталонии не могут добиться своих целей силовым путем. Теперь у них осталась только одна возможность уйти от ответственности за провокационное нападение на «Телефонику» — вывести конфликт на уровень всей республики.

Никто не хотел умирать

Союзники коммунистов были деморализованы дружной реакцией рабочих НКТ и чувствовали себя в роли мятежников 19 июля: «Мы были готовы к поражению, мы попали в западню», — вспоминает о своих ощущениях того времени каталонский националист М. Круэльс[1029]. Столкнувшись с мощным сопротивлением, А. Айгуаде запросил помощи у Ларго Кабальеро, одновременно пытаясь убедить его в том, что началось восстание анархо-синдикалистов[1030]. Но Ларго Кабальеро, сначала потребовав навести порядок, не спешил прийти на выручку Женералитату: под рукой нет свободных войск, да и «серьезных столкновений» в Барселоне пока не произошло[1031]. Премьеру было нужно время, чтобы выяснить, что же в действительности происходит в Барселоне. Получая такие ответы от центрального правительства, противники анархо-синдикалистов были заинтересованы в организации более серьезных столкновений, а не в поисках мира.

НК НКТ отметил, что противники анархо-синдикалистов склонны «затягивать улаживание конфликта до взятия центром общественного порядка в Каталонии»[1032].

Кампанис и Таррадельяс были поставлены ОСПК перед фактом, но в операции против «Телефоники» участвовали их люди, так что каталонские националисты не стали искать примирения сторон и встали на сторону ОСПК.

Уже 4 мая национальная гвардия оправилась от первого испуга и перешла в наступление, захватив несколько зданий, контролировавшихся НКТ. Бойцы ОСПК действовали осторожнее — берегли силы, защищали свою штаб-квартиру и казармы. Всего за время конфликта в казармах ОСПК погибло 18 человек и 80 было ранено.

В своем воззвании 4 мая НКТ и ФАИ утверждали: «Мы не несем ответственности за происходящее. Мы никого не атаковали. Мы только защищали себя»[1033].

В это же время Ларго Кабальеро наконец определился и в ответ на очередную просьбу о присылке войск в распоряжение Айгуаде заявил, что правительство пока «не может этого сделать, потому что это значило бы передать силы тому, кто может быть имеет отношение к выявившемуся конфликту»[1034]. Войска могут быть присланы при одном условии: «прежде чем выполнить эту просьбу, он приступил бы к взятию в ведение центра службы общественного порядка в Каталонии»[1035]. Премьер-министр решил воспользоваться ситуацией, чтобы укрепить власть центра в Каталонии и не дать коммунистам воспользоваться силами правительства против их оппонентов. Однако, считая правительство «нейтральной силой», Ларго Кабальеро не учел, что и в госаппарате практически не осталось людей, сохранявших объективное отношение к этому конфликту. Пока премьер стремился установить контроль над национальной гвардией Каталонии и провести честный арбитраж конфликта, его оппонент в ИСРП, министр авиации и флота И. Прието, «предложил ввести военное положение и передать управление вопросами общественного порядка военным. Правительство не последовало этому предложению, — возмущается А. Виньяс. — На одном из многочисленных собраний кабинета Ларго Кабальеро полагал, что следовало дождаться результатов действий уполномоченных. Прието продолжал им не доверять, так как если пришлось бы ждать и спасать общественный порядок тогда, когда город был бы уже захвачен повстанцами, дело было бы значительно более сложным»[1036]. Разумеется, И. Прието представлял анархистов восставшими, не дожидаясь результатов каких-то там расследований.

Прието предоставил Компанису право отдавать приказы армии и флоту на территории Каталонии[1037]. Правда, когда лидер ОСПК Коморера в ночь на 5 мая потребовал бомбить объекты НКТ, Компанис выступил против[1038].

Тогда Прието стал действовать на свой страх и риск: «пять авиационных рот со всей скоростью перемещались с базы Лос Алькасарес, а из Центра в аэропорт Реус направлялись несколько эскадрилий под командованием командующего Воздушных сил Республики полковника Идальго де Сиснероса»[1039].

* * *

Днем 4 мая представителями НКТ и ВСТ было достигнуто соглашение о прекращении огня. В своем совместном воззвании они заявляли: «Сложите оружие! Внимание только одному лозунгу: Каждый назад на работу, чтобы победить фашизм!»[1040] Однако на дальнейших переговорах, когда НКТ и националисты настаивали на удалении всех с баррикад, представители ОСПК выступили против[1041]. Они были заинтересованы в продолжении

конфликта, хотя формально участвовали в переговорах. Радикальные анархо-синдикалисты тоже не понимали, почему они должны покинуть баррикады, если на них напали и противник слаб. Так что стрельба с обеих сторон продолжалась.

Лидеры НКТ, уже постигшие азы политического искусства, понимали сложность ситуации и стремились остановить кровопролитие. Большинство Национального комитета НКТ выступило за сдерживание конфликта, так как есть угроза развала фронта: «потеряв войну, потеряли бы и революцию и все революционные завоевания»[1042]. Решающую роль для анархо-синдикалистских вождей играла опасность крушения фронта в результате гражданской войны в тылу. Вторжение фашистов было страшнее победы коммунистов и других этатистов. НК НКТ решил «придерживаться оборонительной позиции взамен перехода в наступление»[1043]. Антонов-Овсеенко сообщал в Москву: «Решающим моментом, приведшим к поражению троцкистско-фашистского „путча“, было поведение руководящих деятелей НКТ: они не только активно добивались прекращения вооруженной борьбы, но не обставили этого прекращения никакими условиями... они противодействовали втягиванию фронта в вооруженную борьбу тыла»[1044].

За все время событий анархистские командиры с трудом удерживали своих бойцов на фронте. Один из них, С. Карод, вспоминает: «Всегда ожидая удара в спину, мы знали, что если из-за нас возникнут проблемы, только враг выиграет от этого. Это была трагедия анархо-синдикалистского движения, но это была трагедия и гораздо большего — испанского народа»[1045].

Индивидуально с фронта в Барселону ушло около 400 поумистов[1046].

В Бухаралосе прошло совещание членов регионального комитета НКТ, представителей дивизий им. Дуррути, Аскасо, Жуберта и Ленина. Решили занять городки, важные в случае разрастания борьбы за пределы Барселоны. На день-два были заняты Тарагона, Тараса, Фугорас и Херон[1047]. Командиры НКТ готовились блокировать дивизию Маркса, если она пойдет к Барселоне. Затем анархисты заняли Барбастро, продвинулись к Лериде и Бенифару. Здесь было проведено совещание с представителями регионального и национального комитетов НКТ, которые остановили дальнейшее продвижение[1048]. Более того — министр центрального правительства от НКТ Гарсиа Оливер предотвратил вмешательство в бои подразделений дивизии Дуррути, которые находились в столице Каталонии[1049]. Только 6 мая, когда события фактически завершились, два батальона дивизии Аскасо и батальон дивизии им. Ленина (ПОУМ) на 45 автобусах снялись с фронта[1050]. Но и они были остановлены под угрозой бомбардировки с воздуха и вернулись.

Лидеры НКТ прилагали усилия к тому, чтобы покончить дело миром. В своем выступлении по радио Гарсиа Оливер заявил: «Все погибшие — мои братья... Я склоняюсь над ними и целую их»[1051]. Это выступление вызвало возмущение на баррикадах — ведь среди убитых были и те, кто организовал нападение на анархо-синдикалистов. В адрес Оливера раздавались обвинения в предательстве. После радиовыступления Ф. Монтсени, призывавшей прекратить борьбу и покинуть баррикады, бойцы стреляли в радиоприемники[1052].

Подводя итоги конфликту, Антонов-Овсеенко писал: «В руководстве НКТ и ФАИ преобладают действительно преозабоченные войной с фашизмом и способные идти в едином антифашистском фронте во имя этой войны, сдерживая экстремистские вождедения, но не решаясь открыто, даже перед массами собственной организации, осудить поведение своих так называемых „бесконтрольных“ групп»[1053].

Одновременно НКТ оказалась под сильным давлением ПОУМ, стремившейся использовать события для взятия власти: «Мы были уверены, что надо наступать, — вспоминает о позиции ПОУМ на встрече с представителями НКТ секретарь молодежной организации партии В. Солано, — что надо требовать роспуска Женералитата, ставить вопрос о создании правительства рабочих организаций — брать власть». «Все это очень интересно, — говорили лидеры НКТ, — но нельзя, чтобы все было так запутано»[1054]. Лидеры НКТ понимали, что попытка свергнуть Женералитат дает козыри противнику. Пока именно ОСПК и националисты были атакующей стороной, и казалось, что НКТ удастся сохранить выгодную политическую позицию жертвы коммунистического путча. Они рассчитывали, что майские события укрепят их авторитет, сплотят вокруг НКТ революционные силы и позволят потеснить коммунистов и их союзников. Однако в одном А. Нин был дальновиднее анархо-синдикалистов: «Нин боялся, и он был прав, что события совершенно неправильно понимаются в остальной Испании»[1055].

Медиа вступают в бой

В Республике развернулась борьба изданий по поводу событий в Барселоне. Каждая сторона, осуждая сам факт столкновений и сохраняя внешнюю лояльность правительству, пыталась воспользоваться кризисом для доказательства своей правоты.

Первоначально правительственная цензура в Валенсии пыталась смирять страсти. В эти дни она еще ориентировалась на Ларго Кабальеро и особенно бдительно следила за коммунистами.

5 мая коммунистическая «Френте Рохо» утверждала, что терпимость правительства во имя сохранения единства «была воспринята как признак слабости правительства». Кем воспринята? И что это вообще — поддержка правительства или критика его терпимости? Понять было мудрено — газета была «сильно искажена цензурой»[1056].

«Аделанте», защищавшая позицию Ларго Кабальеро, попробовала 6 мая расставить точки над *i*: события «были подготовлены безответственной критикой правительства»[1057]. Больше всего правительство критиковали как раз коммунисты. Получалось, что они виноваты и в кризисе.

На это намекали и анархо-синдикалисты. «Солидарidad obrera» писала 5 мая: «Ряд безумных провокационных личностей обратил Барселону в боевое поле. Устраните их от должности, и мир водворится»[1058]. Речь идет явно не о ПОУМ и анархистах, а о тех правительственных чинах, которые атаковали здание «Телефоники».

5 мая официоз коммунистов «Мундо обреро» вышел с передовицей «Беспощадность в борьбе против провокаторов». Что же это за провокаторы? На этот вопрос отвечал лозунг, выдвинутый коммунистами: «Все на поддержку Народного фронта против фашистов, орудующих в тылу!»

6 мая «Мундо обреро» расширила круг сил, которые устроили «мятеж»: фашисты, троцкисты и неконтролируемые анархисты[1059]. Таким образом, предлагалась схема: фашисты контролируют ПОУМ («троцкистов») и часть анархистов, которых не в состоянии контролировать НКТ. Они и устроили «мятеж». «Мундо обреро» выходила в Мадриде и была недоступна для валенсийской цензуры.

Правое («центристское») крыло ИСРП, также формально защищая правительство, на деле поддерживало схему коммунистов. 7 мая приетистская «Эль социалиста», выходявшая в Мадриде, комментировала: «Произошел мятеж против правительства, в котором представлены все антифашистские силы. Надо поддерживать именно такое правительство (вероятно, сам Прието уже так не считал — А. Ш.). Беда в том, что неконтролируемых очень много, слишком много...» На словах одобряя лидеров анархо-синдикалистов, правые социалисты возлагали на их сторонников ответственность за события в Барселоне: «Хорошо сделали СНТ и ФАИ, резко осуждая движение в Каталонии». Они должны «контролировать их собственное поведение и отстранять нежелательные элементы»[1060]. Но «Аделанте» настаивала 7 мая: «Это не мятеж против правительства, а столкновение между двумя профсоюзными организациями»[1061].

5—6 мая анархо-синдикалистская «Фрагуа социаль», выходявшая в Валенсии, предпочла вообще не упоминать события в Барселоне, чтобы не попасть под нож цензора, зато раскритиковала компартию как проводник «внешнего влияния»[1062]. «Френте Рохо» попробовала ответить, но ее опять порезала цензура[1063]. 7 мая «Фрагуа социаль» утверждала: «Стремление к монополизму Коммунистической партии было фактом, отравившим атмосферу»[1064]. Дискуссия приобретала все менее благоприятный для коммунистов уклон. Казалось, опасения Нина не оправдались.

Таким образом, были выдвинуты три версии событий. Первая — события организовали фашисты, троцкисты и часть анархистов. Соответственно, необходимо усилить позиции коммунистов, выступающих за чистку в тылу, провести репрессии против ПОУМ и «подозрительных», ослабить влияние анархистов. Вторая — события спровоцированы коммунистами и их союзниками, необходимо отстранить их от власти. Третья — экстремисты с двух сторон спровоцировали раскол, и теперь необходимо всем сплотиться вокруг Ларго Кабальеро. Но теперь о таком сплочении было трудно и мечтать.

Миротворцы и экстремисты

В любом случае столкновения в Барселоне были признаны недопустимыми всеми участниками антифашистской коалиции. Нужно было что-то срочно предпринять для их прекращения. Министры-синдикалисты выехали в Барселону, а коммунисты, республиканцы и правые социалисты оказали сильное давление на Ларго Кабальеро и добились решения о

вмешательстве в конфликт и переходе власти в Каталонии к центральному правительству, если вооруженная борьба не прекратится к 5 мая[1065]. Теперь было важно, кто станет контролировать Барселону после прекращения конфликта. 5 мая правительство впервые решительно вмешалось в прерогативы Каталонии и назначило ее военным министром генерала Посаса[1066]. Компанис согласился с этим назначением.

В разгар событий И. Прието занялся эвакуацией из Барселоны «забытого» там президента М. Асаньи. «Каталонские политики оказали мало почтения президенту Испании, оставив его незащищенным в президентском дворце, откуда он посылал панические телеграфные обращения Прието», — пишет П. Карр[1067].

Прието и Асанья «активно обсуждали детали поездки в Валенсию, которую Асанья предпочитал совершить на самолете. Переговоры по телетайпу иногда походили на главы из приключенческого романа, но финал оборвался. Командующий „Лепанто“ вернулся на судно и сообщил, что путешествие президента может быть опасным»[1068]. В действительности президенту ничего не угрожало, но готовность Прието заняться проблемой его эвакуации не могла не тронуть Асанью.

Как справедливо отмечает А. Виньяс, «поведение Кабальеро в ходе барселонского кризиса не могло вызвать особую симпатию к нему со стороны Асаньи»[1069]. Впрочем, очевидно, что недоверие Асаньи к Ларго возникло куда раньше. Просто, пока революция шла по восходящей линии, набирала силу, у Асаньи не было выбора. Когда же в ее ходе наметился кризис, раскол среди левых сил, роль президента как гаранта республиканских устоев, резко возросла.

Нежелание Ларго Кабальеро, Компаниса и синдикалистов «отвлекаться» в разгар конфликта на эвакуацию президента имело важные психолого-политические последствия — президент еще теснее сблизился с противниками премьера, особенно с И. Прието (кстати, именно ему Асанья был во многом обязан своим постом, так как Прието настоял на поддержке Асаньи со стороны ИСРП)[1070].

5 мая после очередных консультаций противоборствующих сторон было достигнуто соглашение о формировании временного правительства Каталонии с равным представительством основных политических сил (кроме ПОУМ). Переформирование Женералитата означало смещение Р. Саласа и А. Айгуаде[1071] (фактически Салас продолжал командовать гвардейцами до конца событий)[1072]. Формально требования анархо-синдикалистов были удовлетворены. Но они не чувствовали себя победителями — было ясно, что борьба шла не из-за двух фигур в местном руководстве.

После этого секретарь НКТ М. Васкес снова обратился к членам своей организации с призывом покинуть улицы: «Мы говорим вам, что эта ситуация должна закончиться... Необходимо, чтобы вы исчезли с улиц со своим оружием. Мы не должны ждать, пока другие это сделают. Мы должны сделать это первыми. А после мы поговорим»[1073]. Если бы анархо-синдикалистам удалось отвести свои отряды с баррикад сразу после достижения соглашения 5 мая, то это выглядело бы как победа. Но лидеры НКТ не учли, что их «соглашательство» и самостоятельная от «низов» политика ослабили связь с массой

рядовых членов. Не понимая, почему они должны уходить, бойцы продолжали удерживать баррикады.

Задержка с прекращением огня имела важные результаты. 5 мая был убит генеральный секретарь ВСТ Каталонии, советник Женералитата от ОСПК А. Сесе и серьезно ранен только что назначенный в результате переговоров делегат по охране порядка А. Эскобар.

Вышли из строя две фигуры из только что согласованного временного правительства. Оба министра были заменены противниками анархо-синдикалистов. Несмотря на то, что анархо-синдикалисты и ПОУМ отрицали свою вину (в условиях беспорядочной уличной стрельбы было невозможно установить, кто конкретно попал в министров), коммунисты и националисты обвиняли «троцкистов»[1074] (это обвинение было надуманным — Сесе погиб, когда его машина пыталась прорваться мимо здания, занятого анархистами)[1075].

Одновременно, «под шумок», коммунистами, связанными с командой Орлова, были арестованы у себя дома, а затем убиты итальянские анархисты К. Бернери и Ф. Барбиери, известные своими выступлениями против сталинизма[1076]. Произошло покушение на Васкеса[1077]. Позднее были обнаружены 12 тел со следами пыток в районе Серданола-Реполет на шоссе Вела terra. Они были выброшены из машины скорой помощи. Это были активисты Либертарной молодежи, которые 4 мая ехали из квартала Армония дель Паломар в Пасео Пухадас[1078] и были захвачены в районе парка и уведены в казармы противников анархистов[1079]. Среди погибших был член регионального комитета организации А. Мартинес. Вероятнее всего, хотя бы часть этих убийств была связана с прибытием в Барселону во время майских событий агентов НКВД. Проанализировав доступные сегодня сведения об этом, А. Виньяс приходит к выводу: «Союз быстро воспользовался ситуацией, поскольку, как мы предполагаем, НКВД не имел особого отношения к развитию переворота в Барселоне»[1080]. Но главный целью агентов А. Орлова был А. Нин. Однако пока шла стрельба, он тщательно охранялся.

После срыва соглашения 5 мая анархисты усилили натиск, и некоторые отряды национальной гвардии стали сдаваться[1081]. «К 6-му положение правительственных сил было почти критическое — недостаток патронов и колебания национальной гвардии»[1082], — свидетельствовал Антонов-Овсеенко.

Ситуация осложнялась и тем, что рабочие, вышедшие на работу утром 6 мая, были обстреляны отрядами коммунистов и националистов, не скрывавших своей партийной принадлежности[1083]. Несмотря на отчаянную ситуацию, коммунисты и часть националистов стремились продолжать борьбу до прихода правительственных войск, чтобы представить себя жертвой анархистского мятежа.

Этой ситуацией попытались воспользоваться противники «соглашательства». После неудачи попыток убедить анархо-синдикалистов в своей правоте, ПОУМ отказалась от действий, направленных на свержение Женералитата — без участия НКТ они теряли смысл. Радикальную позицию продолжала отстаивать небольшая группа «Друзья Дуррути» (по свидетельству одного из ее участников Х. Бальиса в Барселоне это были анархисты-дезертиры с Арагонского фронта, ушедшие из-за «несогласия с милитаризацией»[1084], и

члены ПОУМ). Группа распространила листовки, в которых говорилось: «В Барселоне создана революционная хунта. Все виновные в путче, в маневрах под прикрытием правительства, должны быть казнены». Листовка призывала послать в Хунту представителей баррикад, а затем передать власть профсоюзам и ПОУМ[1085]. Заметного резонанса эти призывы не имели. Сомневаясь в оправданности курса руководителей НКТ, рядовые члены Конфедерации все же не собирались менять своих лидеров и подчинились им.

Прекращение огня

6 мая лидеры НКТ продолжали переговоры с Компанисом о прекращении огня. Прибыв в Барселону, Васкес и Монтсени добивались, чтобы стороны справились с ситуацией своими силами — до прихода правительственных войск, и даже угрожали Компанису: «Не будет соглашения, если войска придут из Валенсии». Компанис, наивно полагая, что правительственные войска помогут именно ему, уговаривал: «Правительство республики имеет право прислать войска»[1086].

По справедливому замечанию Х. Гомеса Касаса, в итоге майских боев «автономисты, ведомые Компанисом, потеряли контроль над регионом. Центральная власть захватила все командные позиции и не ослабила своей власти, пока борьба не окончилась... Этот конфликт оказался фатальным для автономии каталонского правительства»[1087]. Антисиндикалистская политика Компаниса оказалась политически самоубийственной.

Вечером новая коалиция была составлена, соглашение о прекращении огня было достигнуто. В воззвании нового правительства говорилось: «Правительство, которое наивысшее и подлинное представительство всего антифашистского фронта, просит всех трудящихся и весь каталонский народ оставить оружие, забыть месть и ненависть этих дней перед величием единственной борьбы, которая нас всех обязывает»[1088].

В условиях ухода с улиц обеих сторон правительственные войска должны были сыграть роль разъединительной силы. Гарсиа Оливер призывал оказывать им всякое содействие[1089]. «Солидарidad obrera» в этих условиях была готова забыть об анархизме: «Общественная сила должна быть посвящена народу. Народ и представлен в своем правительстве. Не подчиняться его самодержавным приказам означает бессознательно становиться против народа»[1090].

Призывы лидеров НКТ, несмотря на возмущение бойцов, дали эффект — анархо-синдикалисты покидали баррикады. По словам одного из руководителей ПОУМ Х. Андраде, «они были совершенно взбешенными, но все же подчинились. Они могли быть анархистами, но когда дело касалось их собственной организации, они были ужасно дисциплинированными»[1091].

А вот их противники не были столь же благородны. По данным Антонова-Овсеенко, Компанис и Коморера договорились утром 7 мая напасть на региональный комитет НКТ и затянуть борьбу до прихода войск из Валенсии[1092]. ЦК ОСПК отверг эту идею, так как

правительственные силы были еще в Тортосе «и могли не поспеть»[1093]. «Компанис недоволен социалистами» за то, что они не решились таким образом «подставить» анархистов[1094].

Монтсени и Оливер договорились с МВД о сохранении за анархистами оружия. «Опираясь на эти соглашения, анархи сохраняют вид победителей»[1095], — недовольно комментировал Антонов-Овсеенко. Хотя официально был выдвинут лозунг: «Ни победителей, ни побежденных»[1096], 6 мая редакция «Батайль» была занята полицией. ПОУМ первой почувствовала, кто проиграл в результате этих событий. Нин требовал возвращения помещений ПОУМ, которые были заняты полицией после прекращения огня (что в принципе нарушало соглашения)[1097].

На расширенном пленуме ЦК ПОУМ 11 мая член ЦК ПОУМ Сенц сетовал: ЦК ПОУМ напрасно поддержал движение ФАИ. Нин возражал, что это — спонтанное движение масс в ответ на провокацию. ЦК одобрил линию Нина[1098]. Интересно, что об этой дискуссии было известно в советском консульстве. А ведь она исключала советскую версию о том, что ПОУМ выступила в качестве инициатора «мятежа». В принципе, и руководство КПИ, и Москва достаточно трезво представляли себе, что происходило в Барселоне, и продолжали распространять по всей Испании и миру версию о «анархо-троцкистском мятеже» в чисто пропагандистских целях, не веря в нее. Нужно было срочно скрыть неблагоприятную роль коммунистов в этих событиях.

7 мая в Барселону вошли правительственные войска, контролировавшиеся правыми социалистами и коммунистами. Д. Оруэлл вспоминает: «Назавтра повсюду в городе было полно штурмгвардейцев, которые расхаживали по городу с видом победителей... Это были отборные войска, бесспорно, лучшие из всех, что я видел в Испании, и, хотя они являлись как бы в некотором роде „противником“, я не мог не любоваться их молодецкой выправкой... На Арагонском фронте я привык к виду оборванных, плохо вооруженных бойцов милиции и даже не подозревал, что Республика располагает такими войсками... У штурмгвардейцев один пулемет приходился на десять человек, а автоматический пистолет был у каждого; у нас же на фронте один пулемет приходился на полсотни бойцов, а что до пистолетов и револьверов, то их мы доставали только незаконным путем. Гражданские гвардейцы и карабинеры, чьи формирования отнюдь не предназначались для фронтовой службы, были лучше вооружены и гораздо лучше обмундированы, чем мы, фронтовики»[1099]. Только после подавления демократии в Каталонии «штурмовиков» наконец бросят на фронт, но тут выяснится, что они очень плохо подготовлены и необстреляны. Лучше было бы их оружие отдать фронтовикам.

В мае 1937 г. по дороге в Барселону правительственные силы разоружали отряды НКТ и ПОУМ (сохраняя вооруженные формирования других организаций), громили их штаб-квартиры и даже производили расстрелы[1100]. После прибытия правительственных войск более 300 анархо-синдикалистов и «троцкистов» было арестовано[1101]. Трагическим итогом майских событий стало 500 убитых и тысяча раненых[1102], а также начало перелома в ходе Испанской революции.

Кто виноват?

Майские события добились широкую антифашистскую коалицию. Противоречия вышли на поверхность. Артподготовку решающего политического сражения начала пресса.

Впрочем, Ларго Кабальеро устами «Аделанте» 7 мая еще пытался восстановить хрупкий компромисс — ни одна сторона не виновата в конфликте. Это шпионы и провокаторы (подхвачен мотив, запущенный коммунистами) воспользовались «сектантством некоторых кругов». Произошел не мятеж против правительства, а «столкновение между двумя профсоюзными организациями». Отдел печати полпредства СССР в Испании отмечал, что 7-8 мая «Аделанте» «избегает всякого намека, который мог быть истолкован как выпад против даже части анархистов»[1103]. В случае раскола правительства Ларго Кабальеро попробует опереться именно на НКТ.

Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что, хотя официальный лозунг: «Ни победителей, ни побежденных», «анархи сохраняют вид победителей»[1104], а Нин требует возвращения помещений ПОУМ, которые были заняты полицией после прекращения огня[1105]. ПОУМ вовсе не считала себя побежденной.

Коммунисты потребовали наказания виновных за события в Барселоне. Ларго Кабальеро считал, что за это необходимо наказать не организации, а конкретных виновников, после тщательного предварительного расследования событий. Перспектива объективного расследования грозила коммунистам политической катастрофой. Поэтому они требовали немедленных репрессий против НКТ и ПОУМ.

«Аделанте» возражала: «Правительство Народного фронта не может принимать репрессивных мер, как правительство Хиль Роблеса или Леру»[1106]. Тогда еще казалось невероятным, что правительство «Народного фронта» может быть таким же авторитарным, как и правительство правых сил.

«Коммунисты были настроены дать бой Ларго на первом совете, который будет иметь место. Они не были согласны ни с военной политикой, ни с политикой в сфере общественного порядка. Они не хотели, чтобы Ларго продолжал занимать пост председателя Правительства и министра военных дел. Коммунисты не могли больше ждать, пока он проявляет свои капризы, не отчитываясь перед Правительством»[1107], — негодует А. Виньяс. Да, коммунисты не могли ждать, но не капризов, а расследования.

Уже 7 мая Хираль сообщил Асанье, что коммунисты, «центристы» ИСРП и либералы договорились спровоцировать правительственный кризис: «На ближайшем Совете коммунисты будут требовать исправления политики, и если они ее не получают, то выйдут из Правительства. Социалисты и республиканцы поддержат их требования. От социалистов пришли Кордеро и Видарте, от коммунистов — Диас и Пасионария. В целом, все говорили об одном и том же: о непригодности Ларго, общественных беспорядках, преданности Ларго интересам НКТ, вредном влиянии личного окружения Ларго, отсутствии авторитета, инициативы и т. д., т. п.»[1108]. Коалиция трех политических сил оформилась именно на

почве противостояния синдикалистской революции, на сторону которой перешел премьер. Его личные недостатки были бы вполне терпимы, если бы не «преданность Ларго интересам НКТ».

«На совете министров 8 мая выявилось совершенно открыто следующее: четыре министра анархо-синдикалиста — Оливер, Монтсени, Лопес и Пеиро — занимали те же позиции, что Кабальеро и Галарса. Они защищали те же позиции. Против них, а значит и против позиции Кабальеро, выступили (с решительным осуждением путча, путчистов, троцкистов и анархистов) Дель Вайо (большое и очень сильное выступление), Урибе, Эрнандес, Хираль, Ирухо, Негрин. Прието не выступил, объясняя это невыступление в последующей дискуссии следующими аргументами: критика и осуждение были направлены исключительно против троцкистов-поумистов, в то время как я придерживаюсь той точки зрения, что нужно было концентрировать удар на анархистах.

Все ждали, что совет министров закончится правительственным кризисом. Тем более, что в предшествовавшие дни, 7 мая, были беседы между социалистической партией и республиканцами. Кроме того, президент республики беседовал с Диасом и Долорес (от компартии), Ламонеда, Кордера и Видарте (из исполкома социалистической партии), с Дель Вайо, Негриным, Хиралем и др. политическими деятелями», — докладывал И. Степанов. В ходе этих бесед обсуждалась необходимость «изменить состав правительства, но оставаясь в рамках и на основе народного фронта!»[1109]

В действительности, 8 мая Прието выжидал, чтобы эффективнее нанести удар по своему старому сопернику Ларго Кабальеро. Ларго выслушал дискуссию молча и сформулировал компромиссные решения[1110].

Что же, 9 мая огонь был перенесен на анархистов: «коммунисты предприняли основательную атаку против товарищей министров (то есть министров-синдикалистов — А. Ш.) по поводу происшедших событий, требуя крови и огня (против) активистов нашей организации»[1111], — сообщал представитель ФАИ в Валенсии Х. Кампанья. Однако после этого заседания анархо-синдикалисты продолжали разъяснять свою точку зрения на происшедшие события и преуспели в этом. Премьер ждал результатов расследования событий в Барселоне. И годы спустя он считал: «Восстание не было направлено против правительства. Оно явилось результатом конфликта между двумя группами, каждая из которых пыталась взять под свой контроль руководство каталонскими рабочими»[1112].

Либертарное крыло Народного фронта оборонялось. Что же, раз коммунисты и правые социалисты нашли провокаторов, анархо-синдикалисты прямо высказали свою версию. Газета «СНТ» прямо назвала провокаторами КПИ и ОСПК[1113].

9 мая коммунисты вынесли спор из кабинета на улицу, провели массовую манифестацию, на которой Диас задал немислимый прежде вопрос: «Будет ли это правительство тем, которое приведет нас к победе?»[1114] Раньше такое заявление можно было воспринять как капитулянтство. Теперь оно стало сигналом: коммунисты «валят» правительство. Выступления на митинге транслировались по радио, и их слушала вся страна.

11 мая анархо-синдикалистская «Кастилия либре» утверждала: «Компартия хочет создать новое правительство, более удобное для буржуазии». «Ла Баталья» поумистов конкретизировала: борьба против Ларго Кабальеро — это «маневр Москвы в согласии с Лондоном и Парижем»[1115]. Что это — голословное обвинение? Как ни странно, эту обидную для коммунистов точку зрения поддержал и президент Асанья, как раз и представлявший «буржуазию» в Народном фронте. Во время правительственного кризиса Асанья сказал представителю басков, что необходимо такое разрешение кризиса, которое бы «не только внушило доверие республиканскому общественному мнению в стране, но и иностранным демократиям». Отношение к правительству с «подчеркнуто классовым характером» не может быть таким же, как к правительству «определенно республиканского, классового характера»[1116]. «Демократия» тут, конечно, ни при чем. Важно было показать Западу, что правительство «Народного фронта» не угрожает капитализму.

30 сентября 1937 г. на совещании с коммунистами руководители ИСРП выступали против возвращения анархистов в правительство, так как «майский кризис имел целью именно удаление анархистов из правительства, ибо их участие в нем и их поведение в стране создавали правительству затруднения за границей»[1117]. Редкое по откровенности признание, частично объясняющее мотивы действий правого крыла ИСРП в майском кризисе. Характерно, что они не только фактически признают вину антианархистских сил в провоцировании майского кризиса, но и называют главный мотив выдавливания анархистов из системы власти. Это не «развал экономики», «дезорганизация армии и тыла» или другие мифические обвинения. Это — внешнеполитические соображения: социальная революция, которую углубляли анархисты, вызвала недовольство за рубежами Испании.

Внешний фактор кризиса «Народного фронта» выражался не только в этом. 11 мая «Аделанте» раскрывала «секрет Полишинеля»: речи лидеров компартии должны согласовываться с представителями Коминтерна. Так что устами «Аделанте» Ларго Кабальеро пытался объяснить не столько с компартией, сколько с ее коминтерновским руководством: «Мы знали мнение Коминтерна в недалеком прошлом насчет проблем нашей страны, насчет того, что надо втягивать анархистов в политическую работу вплоть до их участия в правительстве. Этого достиг Кабальеро». При этом «работа министров — членов СНТ, доказала их лояльность и добросовестность в отношении к правительству»[1118].

Анархисты теперь выступали как главная опора правительства. «Солидаридад обрера» утверждала, что коммунисты хотят подчинить Испанию иностранному влиянию. «Ларго Кабальеро резко квалифицирует этот маневр, поэтому его атакуют и подрывают почву под ним»[1119]. «СНТ» вторила: «Раскрыт маневр коммунистов: хотят исключить из правительства представителей пролетариата»[1120]. «Кастилия либре» делала вывод: «Но народ знает дела Ларго Кабальеро на посту министра войны и потребует счета от Коммунистической партии за ее разлагающую работу»[1121]. Эти угрозы заставляли коммунистов торопиться, что как нельзя лучше соответствовало настроению противников Ларго Кабальеро в ИСРП.

По сообщению Степанова, прибыв в ЦК КПИ, «руководители соцпартии» (то есть ее правого исполкома) внесли «конкретные предложения о составе будущего правительства из тех же

организаций и партий народного фронта, которые участвуют в данном правительстве, но без Кабальеро»[1122]. Проект был предварительным. Предполагалось, что премьер-министром и министром финансов станет Негрин (совмещение двух постов на этот раз никого не смущало), министром иностранных дел — Альварес дель Вайо, министром обороны — Прието, министром внутренних дел — Эрнандес, министром индустрии, торговли и труда — Томас. Поводом к правительственному кризису должна была стать кампания коммунистов[1123].

Таким образом, правое крыло социалистов, увидев затруднительное положение, в котором оказались коммунисты, предложили им размен: голову Ларго Кабальеро и возделенное для Прието место министра обороны в обмен на пост министра внутренних дел, спасительный в свете расследования дела о событиях в Барселоне и ключевой в дальнейшей борьбе за власть (в дальнейшем это обещание не будет выполнено). Пострадавшими оказывались и связавшие себя с левыми социалистами лидеры НКТ. Они при новом раскладе теряли не только место Лопеса, но главное — экономический блок, что могло стать преддверием сворачивания синдикализации.

В качестве «откупного» для Ларго Степанов называет пост в будущей объединенной партии ИСРП и КПИ[1124] (понятно, что речь может идти о роли зиц-председателя, так как большинство коммунистов и правых социалистов отдавало в их руки реальный аппарат такой партии).

Однако пока коммунисты и их союзники конструировали свое правительство, Прието сообщил им страшную новость: «по его словам, Ларго Кабальеро хотел создать синдикалистское правительство, состоящее почти полностью из представителей Всеобщего союза трудящихся и НКТ (возможно, это объясняет его желание избежать конфронтации с национальным анархо-синдикалистским руководством). У него, Прието, оставался портфель министра сельского хозяйства. Без сомнения, это было унижительно. Прието поспешил заявить, что невозможно, чтобы Асанья принял кабинет, из которого будут устранены республиканцы и коммунисты»[1125].

Последующие события показали, что для Ларго Кабальеро вариант профсоюзного правительства был резервным. Он не мог не понимать, что Асанья не пойдет на синдикализацию политической структуры. Следовательно, для этого нужно было переступить через конституционную структуру Республики. Синдикалистская, самоуправленческая революция переросла рамки парламентско-президентского государства. Коммунистическая революция вполне могла переживать в нем свой инкубационный период. Однако Ларго Кабальеро не сдвинулся настолько влево, чтобы бросить прямой вызов президенту и системе партийной власти. «Пугнув» своих противников призраком профсоюзного правительства, он продолжил партийные комбинации.

Исторический выбор

13 мая правительство собиралось для решающего объяснения, и «была инициирована энергичная атака на Галарсу (левосоциалистический министр внутренних дел — А. Ш.) со

стороны коммунистов, обвинявших его в нерешительности (дословно, „в том, что он держал дряблую руку“ — А. Ш.) в отношении нас в Каталонии и остальной Испании», — писал Х. Кампанья. В ходе этой дискуссии Ларго Кабальеро назвал коммунистических министров лжецами и заявил, что не предаст «рабочего братства». По сообщению Х. Кампанья «дискуссия была очень жесткой, и два министра-коммуниста подали в отставку и покинули Совет...»[1126].

По словам Х. Гарсиа Оливера камнем преткновения была не столько НКТ, сколько ПОУМ. Он вспоминал об этом заседании: «Министры-коммунисты, послушные и подчинявшиеся приказам своего бюро, начали прения как коммунистическая ячейка городского района. Эти прения ожесточенно направлялись против ПОУМ, которую обвиняли в том, что она выступала зачинщиком майских событий. Ослепленные яростью, они требовали, чтобы правительство приступило к уничтожению и преследованиям ПОУМ, расправившись, насколько это будет возможным, со всеми ее членами, начиная с Нина и заканчивая дворниками их помещений.

Ларго Кабальеро не вступил в дискуссию, не участвовал в голосовании при обсуждении предложения коммунистов. Сказал лишь, что он приказал бы расправиться с ПОУМ или теми, кто несет ответственность за похожие события, если бы обвиняющая партия предоставила доказательства такой виновности. Если говорить о майских событиях в Барселоне, ПОУМ в официальном заявлении, выпущенном ее Исполнительным комитетом, отрицала свое участие в этих событиях и выражала свое осуждение зачинщикам. В силу этого, он считал, что позиция, которую занимали в то время министры от коммунистов была такой, словно они хотели перебросить на плечи испанского правительства те проблемы, которые они делили с коммунистическими партиями по всему миру.

В качестве уполномоченного министра, присутствовавшего в Барселоне по соглашению с правительством, я объявил, что мое пребывание у президента Женералитата и его правительства за то время, что я здесь находился, выяснило очевидность того, что майские события произошли из-за провокационных действий Левой республиканской партии Каталонии и ОСПК. Дали толчок дальнейшим событиям те силы, которые попытались захватить телефонную станцию, а именно: политико-полицейские силы руководителя безопасности Родригеса Саласа, ОСПК, зависящей от министра внутренних дел, Артемио Айгуаде, Левая республиканская партия.

Федерика Монсени, также прибывшая в Барселону в качестве уполномоченного министра, высказалась в том же духе, что и я, уточнив, что за время своего пребывания в графском городе она не получила ни единого доказательства участия ПОУМ как партии в планировании и развитии тех событий»[1127]. После такого разбора впору было давать распоряжения об арестах лидеров ОСПК и примкнувших к ним каталонских националистов.

Коммунистам следовало разрушить правительство немедленно: «Хесус Эрнандес, „министр Сталина“, взялся добить правительство. Или, точнее, закончить этот фарс с правительством.

— Если руководитель правительства отказывается принимать наши обвинения против ПОУМ, тогда Коммунистическая партия отзовет своих министров, и мы уйдем.

Он и Урибе встали и ушли.

Ларго Кабальеро, скрыв переполнявшее его возмущение и взяв себя в руки, сказал нам:

— Господа, правительство только что пережило кризис. Само по себе это неважно. Однако мне надо подумать, как с ним справиться. Прошу вас извинить меня, однако так уж случилось, что придется отменить это заседание. Прощайте и большое спасибо всем вам»[1128]. Однако, судя по другим воспоминаниям, Ларго Кабальеро попросился не сразу, а после того, как И. Прието заявил: «Без участия коммунистов нет правительства»[1129]. Вслед за И. Прието зал покинули еще четыре министра-социалиста (официально они заявили об отставке 14 мая). С Ларго Кабальеро остались два социалиста и четыре синдикалиста.

Уход большинства министров означал правительственный кризис. Согласие на новый состав правительства зависело от президента, так как роль кортесов была сведена на нет. Президент стоял на позиции поддержки противников Ларго Кабальеро.

15 мая Асанья объявил о правительственном кризисе и поручил формировать новое правительство Ларго Кабальеро, уже понимая — он не сможет представить такой проект кабинета, который санкционирует президент.

* * *

Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции, а значит, и мира. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор — создавать новое общество на основе авторитаризма, капиталистического плюрализма или, как в Испании, — на основе производственной демократии? Внимание мира было приковано к Испании. Скажет ли она ему что-то новое?

Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты), продолжало бы социальные преобразования, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге — к поражению КПИ в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также республиканцев.

Принципиальным было и сохранение за Ларго Кабальеро и поста военного министра — НКТ и кабальеристы не хотели допустить на этот пост Прието. Министры-синдикалисты решили

«посетить Ларго Кабальеро для того, чтобы продемонстрировать, что НКТ не будет сотрудничать с таким правительством, которое не будет им возглавляться, и является организацией, которая примет участие в формировании правительства, в котором Кабальеро фигурирует в качестве председателя и военного министра»[1130]. 16 мая позицию НКТ поддержал исполком ВСТ — профсоюз не войдет в правительство, где Ларго Кабальеро не будет занимать посты премьера и военного министра. Орган ВСТ «Кларидад» уже 15 мая утверждала: «УХТ[1131] не будет сотрудничать с новым правительством, если в нем не будут представлены организации, участвующие теперь в правительстве, и если Ларго Кабальеро не останется председателем совета министров и военным министром». Ларго Кабальеро был назван в статье «мастером победы»[1132]. О коммунистах было сказано намеками: «Кто маневрирует против правительства, представляющего всех нас, является врагом испанского народа»[1133]. Это была точка зрения левого крыла социалистической партии и руководства ВСТ. Анархо-синдикалисты уже открыто атаковали КПИ: «Коммунистическая партия доказала фактами, что она добивается раскола правительства, в котором имеются представители всех антифашистских, политических и профсоюзных организаций»[1134] — писала «СНТ». Конфликт между двумя направлениями был очевиден и, похоже, непримирим. Антифашистская коалиция могла сохраниться только в новой форме. Перечень организаций оставался почти прежним, но направление политики правительства зависело от победы одной из двух команд, каждая из которых состояла из лидеров разных организаций.

Для того, чтобы продвинуть команду «своих» социалистов, коммунистам нужно было разрушить уже сложившийся авторитет Ларго Кабальеро. «Френте рохо» 15 мая выпустил передовицу: «Народный фронт — это организации, а не люди». Коммунисты выступили против того, чтобы в Народном фронте «процветала концепция людей, отмеченных провидением, неоспоримых вождей и т. д.».

В СССР такая «концепция» может процветать, а в Испании — нет. Во всяком случае сейчас, когда коммунисты взяли курс на смену Ларго Кабальеро. «Если необходимо менять людей, то нужно менять их решительно и без колебаний». Позднее коммунистическая пресса будет воспевать нового, прокоммунистического премьера Негрина, несмотря на все поражения республики в период его правления. К строптивому Ларго другой счет: «Кто был не способен десять раз, тот будет не способен и в одиннадцатый раз»[1135]. Нет, это не касается Прието — его политическая позиция нравится коммунистам. Это — о Ларго Кабальеро. Правда, коммунистические пропагандисты не перечисляют «десять ошибок» — ведь тогда придется вспомнить, что вслед за неудачей под Малагой была победа под Гвадалахарой.

«Мундо обреро» 15 мая писала о том, что в политике правительства Ларго Кабальеро были «ошибки, которые довели до кровавых событий в Каталонии, ошибки, которые отразились в пассивности на фронтах, в хаотическом состоянии индустрии»[1136]. Премьеру снова был дан «внятный сигнал» — можно сохранить кресло в обмен на кардинальное изменение политики и уступку поста военного министра.

При консультациях о формировании нового кабинета коммунисты дали предварительное согласие на кандидатуру Ларго Кабальеро в качестве премьера, если Прието возглавит

вооруженные силы. Ларго Кабальеро категорически отказался. «Но гордыня Кабальеро, его видение собственной ответственности за формирование новой армии и его острое соперничество с Прието не позволили ему принять это предложение»[1137], — комментирует Г. Джексон. Сведение революционных политических конфликтов к обычной игре амбиций нескольких лидеров почти всегда свидетельствует о непонимании подобными авторами причин событий или даже попытке скрыть от читателя эти причины, свести проблему до уровня понятной обывателю карьерной склоки. Но все дело в том, что за участниками этой драмы стояли интересы гораздо более широкого круга людей, массовых социально-политических групп, по отношению к которым «гордыня» и соперничество отдельных политиков были очевидно вторичны. Эти амбиции просто не могли бы повлиять на ситуацию, если бы не выливались в стратегии, пользовавшиеся массовой поддержкой. В мае 1937 г. столкнулись стратегии войны и социальных преобразований.

Для того, чтобы преодолеть сопротивление коммунистов и социал-либеральных политиков, сторонники Ларго Кабальеро должны были предложить стране ясную политическую альтернативу — власть союзам, а не партиям.

В принципе, этот подход и выдвинули лидеры НКТ, рассчитывая на поддержку Ларго Кабальеро. Однако инерция идей сплочения всех антифашистских сил была еще столь сильна, что уже в предложениях НКТ содержалась попытка совместить оба подхода, что было тогда нереалистично: НКТ и ФАИ призвали ВСТ выступить с согласованными обращениями, в которых необходимо было подчеркнуть, «что правительство должно конституироваться так, чтобы основываться на рабочих организациях и представительстве всех антифашистских направлений»[1138]. Руководство ВСТ в принципе было готово к участию в таком кабинете, но его конкретные предложения требовали компромисса с коммунистами и неравноправия двух профсоюзов: три места ВСТ, три — социалистам, два — НКТ, два — коммунистам, одно — левым республиканцам, одно — республиканскому союзу, одно — баскам, одно — левым каталонцам[1139]. Отвечая на предложения ВСТ, «организация (НКТ — А. Ш.) ответила, что это невозможно по ряду причин: 1) НКТ не может уступать ВСТ; 2) нельзя уравнивать нашу организацию с коммунистами»[1140]. Таким образом, в профсоюзном фронте единства не оказалось. Поскольку речь шла не о концептуальном разногласии, оно было преодолимо, на что, однако, требовалось время.

Более принципиальная проблема заключалась в том, что сам Ларго Кабальеро не решился бросить вызов партийно-политической системе, во всяком случае, при первой попытке формирования нового кабинета. Собственно, в этот момент его политическое поражение было предрешено.

* * *

Уже 15 мая Ларго Кабальеро составил проект нового правительства и 16 мая представил его Асанье.

Ларго в этот момент не решился сразу выдвигать план профсоюзного правительства без коммунистов, а попытался еще раз сохранить конструкцию широкого антифашистского

фронта, потеснив не коммунистов, а прежде всего правое крыло ИСРП, отобрав у Прието авиацию и флот, а у Негрина — финансы (которые передать Галарсе). Он предложил объединить военные ведомства в единое министерство обороны под своим началом, а для Прието оставить министерство общественных работ. Другому «центристу», де Грасиа, предлагался пост министра труда. Таким образом, кабальеристы претендовали также на министерства внутренних и иностранных дел, а, возможно, на министерство промышленности и торговли (которое также могло перейти и «центристу»), что было уже совсем неприемлемо для НКТ. На посты коммунистов Ларго не покушался, но был готов поменять сельское хозяйство на труд. Позиции либералов и националистов предлагалось оставить без изменений[1141].

Рассчитывая на заведомую лояльность НКТ, Ларго снизил ее представительство с четырех до трех мест (при четырех местах у ВСТ). Лидеры НКТ требовали дальнейших консультаций (но не нового премьера, как правые), чтобы восстановить баланс между профсоюзами. Ларго Кабальеро не учел эти возражения НКТ, что не дало анархо-синдикалистам поддержать его проект уже 16 мая. Это был тактический проигрыш Ларго Кабальеро, и А. Виньяс придает ему большое значение как «образцу явной близорукости, впрочем, очевидно обусловленной исключительно эмоциями»[1142]. Однако, как показали дальнейшие события, недовольство НКТ было легко преодолимо[1143]. В сложившихся условиях позиция НКТ по поводу проекта правительства 16 мая уже не играла решающей роли. Асанья, правое крыло ИСРП, либералы и коммунисты были готовы одобрить только то правительство, в котором Ларго не будет военным министром. А на это уже не был готов Ларго.

«Подобающий вопрос — превратился бы он в декоративную фигуру в случае, если бы он остался во главе Правительства? Самый разумный ответ — нет. Ларго Кабальеро был личностью жесткой и тяжелой, но не лишенной достоинств. У него была прочная база в ВСТ и, частично, в самой ИСРП»[1144]. А. Виньяс словно забыл, что «прочная база» будет разрушена в ближайшие месяцы путем систематической кадровой работы по сценарию «народной демократии». После майского столкновения возврата к прежнему сосуществованию двух политических стратегий не было. Это не сразу поняли Ларго и лидеры НКТ, но уже знали коммунисты и социал-либералы ИСРП. В случае потери силового блока сторонники Ларго Кабальеро и НКТ не могли бы остановить сворачивания революции и внедрения губительной стратегии войны.

Позднее Ларго так разъяснял свою позицию: «Коммунисты хотели выкинуть меня из Министерства военных дел и оставить меня как фигуру на носу корабля на посту Председателя Совета, под предлогом того, что два портфеля — слишком тяжелая работа. Тогда я заявил, что, как социалист и испанец, я обязан продолжать войну, и в противном случае я не могу принять пост председателя. Но я сказал это не потому, что считал себя незаменимым, ни в коем случае, а потому, что я был решительно настроен дать бой коммунистической партии и всем ее приспешникам, а это могло быть сделано только через министерство военных дел. Они это знали. Поэтому они меня выкинули». «Более того, я предполагал создать Правительство без участия коммунистов...»[1145] Не сдать Прието и коммунистам военное министерство было принципиально важно для него потому, что их стратегия войны вела к поражению. Что, собственно, и подтвердилось. Здесь важна еще одна деталь. Судя по этим воспоминаниям, Ларго рассчитывал, что у него будет вторая

попытка формирования правительства, возможно — без коммунистов. В парламентском государстве это нередко случается. Не получилось сформировать коалицию с одними — можно предложить и новую комбинацию. Отсюда возможная небрежность при составлении проекта 15–16 мая, мнимая уступчивость в отношении коммунистов, которые все равно отвергнут соглашение, и временное ущемление НКТ, которым позднее можно будет предложить больше. Ларго не учел, что Асанья в условиях паралича кортесов более свободен в выборе кандидатуры премьера, и просто не даст ему второй попытки.

Ссылаясь на его тактические ошибки в сложной политической игре середины мая, критики Ларго настаивают: он сам виноват в своем падении, и коалиция социал-либералов и коммунистов вовсе не подставляла ему ножку. Х. Грэхэм считает, что проект правительства, представленный им президенту, «подтвердил только совершенно нереалистичное представление Ларго о балансе политических сил, удерживаемом левыми»[1146]. Было ли оно в принципе нереалистичным? В мае 1937 г. власть в республике могла удерживаться либо левыми (лидеры ВСТ и НКТ), либо правым центром и коммунистами. Ставка на левый фланг сама по себе была реалистична. Нереалистично было добиваться ее одобрения заведомо правым Асаньей. Тактической, но поправимой и малозначимой в сложившейся ситуации ошибкой было ущемление НКТ.

Чтобы окончательно снять ответственность за кризис с противников Ларго, А. Виньяс даже назвал главу своей книги «Харакири Ларго Кабальеро». Мол, он сам во всем виноват: «он не мог выиграть и этим совершил самоубийство, желая того или нет»[1147]. А. Виньяс путает самоубийство с отказом от капитуляции. В политике как раз капитуляция аналогична самоубийству. Такую же ошибку совершают и те критики Республики, которые считают, что она изначально не могла победить, и потому ее борьба была самоубийственной. Что же, лучше такое «самоубийство», чем смерть капитуляции.

Пытаясь оправдать организаторов свержения Ларго Кабальеро, А. Виньяс изображает его уход чуть ли не как дезертирство по собственной воле: «Уйти из Правительства было худшим, что мог сделать Кабальеро, потому что возглавлять его не было синекурой»[1148]. Но Ларго потому и отправили в отставку, что он не был согласен получить почетную синекуру.

Нет ничего дурного в том, что А. Виньяс стремится защитить репутацию такой крупной исторической фигуры, как Хуан Негрин. Негоже, что он пытается делать это путем систематического очернения предшественника Негрина Франсиско Ларго Кабальеро. Разумеется, тот не был человеком безупречным. Но в работах А. Виньяса и других апологетов социал-либерального направления мы слишком часто сталкиваемся с попытками «переложить с больной головы на здоровую», закамouflировав действительные причины поражения Республики «наследием Ларго Кабальеро», который был отстранен от поста премьер-министра почти за два года до финала: «Но все же замена Кабальеро произошла слишком поздно. Ни Негрин, ни Прието не могли избежать цепи поражений, которые отнюдь не способствовали поднятию или поддержанию боевого духа. Но, несмотря на это, Республика продолжала бороться всеми правдами и неправдами. Густаво Дуран был прав, заметив, что „история гражданской войны в Испании — это история долгой агонии“»[1149]. Однако агония началась не сразу, а в второй половине 1937 г. Это косвенно подтверждает и

сам А. Виньяс, чьей сильной стороной является тема «испанского золота»: «Мы доказали, что золото позволило выковать „щит Республики“ и, к лучшему или к худшему, сделать ее способной бороться с мятежниками и вести долгую кровопролитную гражданскую войну»[1150]. Это уже не похоже на агонию. Это — способность к борьбе. Испанское золото сыграло в этом свою роль. Но денег не достаточно для победы в гражданской войне. Нужна еще воля масс к победе. При Ларго Кабальеро она была — даже не благодаря старому премьер-министру, а благодаря тому, что он почти не мешал развиваться главному источнику этой энергии — социальной революции. Авторы, стремящиеся скомпрометировать Ларго Кабальеро, добавляя к его реальным грехам надуманные претензии, целят не столько в него, сколько в период его правления, время максимального подъема Испанской революции. Той революции, которую ненавидели Франко и его союзники, которой не доверял Сталин, которую боялись лидеры Франции и испанские социал-либералы, против которой продолжают информационную войну их нынешние наследники.

* * *

Ларго Кабальеро мог остаться во главе правительства при одном из двух условий: либо подчиниться диктату и превратиться в номинальную фигуру, либо, воспользовавшись неблагоприятной ролью коммунистов в событиях в Барселоне, ослабить их и создать правительство на новой профсоюзной основе (уравняв в правах ВСТ и НКТ) и проигнорировав мнение президента, апеллируя к организованным массам. Это, конечно, в очередной раз нарушало бы Конституцию, но после 18 июля ее только и делали, что нарушали. Такова революция. Но в мае 1937 г. Ларго Кабальеро не решился действовать революционно. «Испанский Ленин» не обладал решительностью Ленина настоящего.

Не решившись на разрыв с партийно-президентской системой, Ларго Кабальеро проиграл, и 17 мая М. Асанья поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ.

Выбор Негрина в качестве кандидата на пост премьера стал в тот момент несколько неожиданным, учитывая, что лидером «центристов» был Прието, кандидатура которого на премьерское кресло уже обсуждалась в 1936 г. Но Асанья не очень-то хотел получить Прието в качестве премьера. Асанья в своих воспоминаниях указывает, что он не доверял его «переменам настроения» и «приступам». Прието предложил собственную версию. Как он говорил, Асанья объяснял ему через Хиралю, что «он не назначил меня главой Правительства, т. к. я был слишком явным противником коммунистов для того, чтобы председательствовать в коалиции, где они бы присутствовали. Я был очень благодарен ему за объяснение и за то, что он избавил меня от должности, в которой я не мог и не хотел служить». Эти объяснения не противоречат друг другу. Асанья мог вполне найти в этом предлог для того, чтобы не назначать Прието[1151]. Но это похоже на объяснение «постфактум». В этот период Прието не афишировал свои антикоммунистические взгляды. У Асаньи могли быть и личные мотивы. Получив ненадолго в свои руки реальную власть (которая фактически выпала из них в июле 1936 г.), Асанья понимал, что новая сильная личность во главе правительства снова оттеснит его в сторону. После этого Прието оставалось делать вид, что «не очень-то и хотелось». Став «сильным человеком в

правительстве», он мог во всяком случае серьезно повлиять на выбор премьера из своей фракции.

«Неясно, голосовал ли Исполнительный комитет формально за Прието или предложил Негрина. Напротив, Асанья утверждает, что именно он решил привлечь Негрина»[1152]. Прието еще до объявления правительственного кризиса предлагал именно Негрина на пост премьера[1153]. Мотивируя свой отказ выдвигаться на пост премьера, Прието «подчеркнул, что не находится в хороших отношениях ни с НКТ, ни с коммунистами. В том, что касается последних, речь может идти о толковании a posteriori. Прието предположил, что он был бы полезнее на посту министра национальной обороны. Также он указал, что коммунисты уже разнесли на весь мир имя Негрина»[1154]. Это значит, что Прието не выдвинул Негрина, а согласился с уже более ранним предложением коммунистов.

Эрнандес сообщил Негрину, что коммунисты предложили президенту его кандидатуру на пост премьера. На возражение Негрина о том, что он мало известен в стране, Эрнандес ответил: «Популярность... она фабрикуется!»[1155].

Культ личности Негрина, создававшийся тогда, жив и поныне. Апологет Х. Негрина А. Виньяс с восторгом перечисляет качества этого политика, которые делали его достойным кресла премьер-министра: «Ни один из членов кабинета не показал подобной решимости и отваги». (!?! — А. Ш.) «Негрин много работал в важнейших сферах — экономической и финансовой — о которых немногие министры имели хоть какое-то понятие»[1156]. Правда, стоило Негрину развернуть экономическую политику в соответствии со своими представлениями, как положение стало стремительно ухудшаться. Но это — «мелочи». Продолжим гимн Негрину: «Он создал себе репутацию на восстановлении общественного порядка, а Корпус карабинеров под его контролем получил впечатляющее развитие. Он сохранял прекрасные отношения с представителями СССР, не напрасно он был одним из немногих министров, которые активно с ними общались. Он владел иностранными языками, что являлось важным козырем для выхода на международную сцену, на которую Ларго Кабальеро даже не потрудился сделать шаг. Асанья был очень чувствителен к этим вопросам и держал Негрина на хорошем счету. В ретроспективе сложно представить другое лицо, которое мог бы выбрать президент вместо Прието для того, чтобы сформировать новое Правительство. Ввиду подобных преимуществ и малого количества недостатков, выбор был чрезвычайно разумен»[1157].

В реальности список эксклюзивных достоинств Негрина был гораздо короче. Успехи Негрина на международной арене в сравнении с периодом Ларго Кабальеро, мягко говоря, спорны, что подтверждает уже следующая книга его адепта А. Виньяса. В Республике было немало и поборников порядка, и знатоков иностранных языков. Пожалуй, «прекрасные отношения с представителями СССР» можно выделить, но и здесь Альварес дель Вайо не уступал Негрину.

Коммунисты не питали иллюзий по поводу характера Негрина. Он не был идеалистом, подобным левым социалистам и анархо-синдикалистам, и хорошим организатором, подобно коммунистам. П. Тольятти писал о нем: «К числу слабых мест Негрина надо отнести и его стиль работы — стиль размагниченного интеллигента, болтуна, дезорганизованного и

дезорганизирующего, и его личная жизнь представителя богемы, не лишенная симптомов разложения (женщины)»[1158].

Выбор был не столько разумен, сколько не велик. Главный выбор на этом этапе революции заключался в падении правительства Ларго Кабальеро. Это свершилось. После этого большого выбора альтернатива оставалась чисто тактической и практически predetermined. Коммунистическая поддержка сыграла решающую роль не в приходе на пост премьер-министра именно Негрина, а в приходе правого социалиста («центриста»). Прието уже достаточно проявил себя как конфронтационная и неустойчивая личность. Он, к тому же, был готов сосредоточиться на военной стороне политики Республики. Итак, нужен «центрист» ИСРП, но не Прието. Если выставляются такие условия — выбор минимален. Поэтому, даже если коммунисты и их зарубежные товарищи, решившие в итоге атаковать Ларго Кабальеро «до победы», не настаивали именно на фигуре Негрина, они выставили такие параметры нового премьера, под которые прежде всего подходили Негрин и Альварес дель Вайо. Выбор между ними делали не коммунисты, и не Москва, а ситуация. Альварес имел все же давнюю репутацию «левого». А Негрин был классическим «центристом».

Таким образом, во фракции «центристов» ИСРП Негрин оказался министром, который устраивал и СССР, и коммунистов, и Прието, и Асанью. Не удивительно, что есть указания на его выдвижение с этих трех сторон.

Строго говоря, кандидатура Негрина наряду с Прието обсуждалась уже давно — как только стало ясно, что предстоит борьба за свержение Ларго Кабальеро. Это обсуждение шло в таком секрете, что стало даже известно франкистам. Еще 21 февраля Кейпо де Льяно заявил: «По приказу из Москвы Ларго Кабальеро, к которому потеряно доверие, замещается доктором Негрин»[1159].

* * *

Историки обсуждают, были ли события, спровоцированные атакой на телефонную станцию 3 мая, сознательной провокацией коммунистов и их союзников, направленной на свержение Ларго Кабальеро, разгром анархистов и «троцкистов». Р. Радош считает, что ответ на этот вопрос позволяет дать информационное письмо сотрудника Коминтерна, которое Г. Димитров направил К. Ворошилову 15 апреля 1937 г. Там говорится, что не следует просто ждать грядущий кризис, но «ускорить его и, если это будет необходимо, спровоцировать его»[1160]. «В этих словах, — комментирует Р. Радош, — которые предшествовали атаке на телефонную станцию всего чуть более двух недель, мы имеем доказательство того, что взгляд оппонентов коммунистов был в сущности верен. Испанская коммунистическая партия, при поддержке и с ведома Коминтерна и Москвы, решила спровоцировать столкновение, с полным пониманием, что результат даст им как раз те возможности, которые они так долго искали»[1161]. Такая однозначная трактовка документа, которую допускает Р. Радош, совершенно неубедительна. С одной стороны, сравнив этот анонимный текст с материалами архива Коминтерна в РГАСПИ, мы можем легко установить авторство. Это письмо И. Степанова, написанное не «за две недели» до майских событий, а поступившее в ИККИ 28 марта[1162]. В историографии, как мы видели, существует точка

зрения, отстаиваемая прежде всего А. Виньясом, что Степанов в малой степени отражает позицию как КПИ, так и Москвы, что этот «злой гений» «фильтровал информацию», манипулируя коммунистами по разные стороны Европы в интересах своей позиции. Мы видели, что эта картина далека от действительности, но решительное отождествление Р. Радошем записки Степанова с планами Москвы и КПИ подставляет его под огонь во многом справедливой критики А. Виньяса[1163]. Однако, с другой стороны, и обратная точка зрения — мол, Степанов может отвечать только за себя, разбивается о маленькую записочку, которой Димитров 15 апреля сопровождал доклад Степанова Ворошилову: «Видимо, этот доклад выражает также настроения, мнения и установки самого Политбюро ЦК, так как устная информация, сделанная нам по Поручению Политбюро приехавшим из Валенсии товарищем, совпадает с содержанием доклада»[1164]. Однако в последний момент перед отправкой текста в нем были сделаны карандашные пометки (они отличаются от решительных подчеркиваний красным карандашом, сделанных читателем в Наркомате обороны — вероятно, самим Ворошиловым). Возможно, Димитров на всякий случай дистанцировался от позиции Степанова и его сторонников в КПИ. В частности, зачеркнуты слова «в полном согласии с советами, полученными из дому», когда речь идет о слиянии КПИ и ИСРП[1165]. Так вот, в наиболее сенсационных фрагментах о провоцировании правительственного кризиса таких зачеркиваний нет (как нет в тексте и ссылок на позицию Москвы).

Таким образом, мы можем лишний раз убедиться, что позиция Степанова была достаточно авторитетной (хотя и не единственной) как в Коминтерне, так и для КПИ. Однако значит ли это, что Р. Радош имел право сделать свой однозначный вывод о том, что коммунисты уже в марте (когда был в действительности написан доклад) планировали майские события? Увы, но приведенная цитата не дает оснований для столь однозначного вывода. Мнение о том, что политический кризис назрел и что по политическим противникам нужно нанести удар при первой возможности, было уже весьма распространенным с февраля-марта. Из текста письма, которое выражает мнение одного из представителей Коминтерна в Испании, вовсе не следует, что даже он предлагает организовать вооруженные столкновения в тылу — речь идет о политическом кризисе, который можно подтолкнуть самыми разными, в том числе и куда более мягкими средствами.

Убедительный ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Политическая ситуация в Республике обострялась в связи с конфликтом двух стратегий в широкой антифашистской коалиции. Коммунисты добивались смены правительственной стратегии и военной политики, не останавливаясь при необходимости на отстранении от власти главы правительства. Однако это не значит, что они заранее спланировали весь ход майского политического кризиса, начиная от вооруженных столкновений в Барселоне. Они были готовы действовать решительно и грубо, отыгрывая у оппонентов позицию за позицией, но когда их действия в Барселоне вызвали взрыв недовольства — в первый момент даже растерялись. Более того, результат их действий в Барселоне вовсе не гарантировал коммунистам разгром оппонентов и даже ставил под угрозу их собственные позиции. Чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации, коммунистам пришлось предпринять сложные политические маневры, в которых их фактически спасли лидеры правого крыла ИСРП и президент Асанья. Это привело к новому разделу власти, в котором позиции коммунистов не были еще безусловно доминирующими, хотя и усилились. Коммунисты могли

воспользоваться и другим, менее рискованным поводом, чтобы продвинуться по пути превращения Испанской республики в «народную демократию». Они не были всемогущими комбинаторами, их сила была в другом — в последовательности, с которой они шли по пути этатизации.

Защищая Х. Негрина от репутации марионетки Кремля (отчасти действительно незаслуженной), А. Виньяс переходит границы объективности, отрицая «импульс», который придал Коминтерн событиям, увенчавшимся созданием правительства Негрина: «Где, в таком случае, документальные доказательства, *hard-core evidence*, которые подтверждали бы импульс Коминтерна в манипулировании процессом, который привел к „майским событиям“ и, следовательно, перевороту во власти, который, если верить стольким авторам — консерваторам, поумистам, проанархистам, кабальеристам, просто антиреспубликанцам — был подготовлен в пользу Хуана Негрина? Возможно, что такие доказательства существуют, но до сих пор ни один автор их не привел»[1166]. Но не все так просто. Напомню, что Коминтерн — это организация, которая включает и Сталина, и Степанова, и Диаса. Влияние такой организации «в манипулировании процессом», который привел к отстранению от власти Ларго Кабальеро и в повороте во всем ходе Испанской революции, можно считать безусловно доказанным. Ее «импульсы» были весьма весомыми, если не решающими (значение февральской демонстрации в начале кампании по ослаблению позиций Ларго Кабальеро признается практически всеми). Действия этой организации привели и к майским событиям, хотя организаторы авантюры с «Телефоникой» (как присягнувшие на верность Коминтерну, так и их союзники) вряд ли могли предположить, в какое опасное положение они поставят Республику и к каким последствиям это приведет.

Политический переворот подготовлялся не в пользу персон, а в пользу блока коммунистов и правого крыла социалистов. Дело не в Негрине — он был лишь представителем политической тенденции.

При этом коммунисты, разумеется, действовали не в одиночку, а в тесном союзе с противниками Ларго в ИСРП. Это породило в историографии еще один «перегиб». Как пишет Э. Грэхем, «Ларго Кабальеро не был свергнут хитростью и алчностью КПИ. Если о какой-то группе можно сказать, что она заставила его уйти в отставку, то это было реформистское крыло ИСРП, которое подорвало его полномочия как премьер-министра, отозвав его назначение в кабинет»[1167].

Из огня да в полымя. Либо только те, либо только эти. В действительности — и те, и эти.

Очевидно, что без поддержки КПИ и ОСПК правые социалисты не смогли бы одержать верх над Ларго Кабальеро и социальной революцией. Советские представители и эмиссары Коминтерна непосредственно участвовали в этих комбинациях и пользовались большим влиянием на коалицию «майских победителей».

А. Виньяс горячо опровергает «легенду» о том, что советские дипломаты, советники и агенты НКВД «успешно заменили совершенно не склонного к сотрудничеству председателя Правительства Республики Ларго Кабальеро на более услужливого Хуана Негрина»[1168]. Однако полностью отрицать роль советско-коминтерновской стороны в выдвигании

Негрин не может и сам А. Виньяс. Не случайно он упоминает среди достоинств Негрина его близость к советскому посольству. Мы видим, что эмиссары Коминтерна были среди инициаторов свержения Ларго Кабальеро и майской провокации. В то же время очевидно, что в этих действиях участвовали далеко не все «слуги Кремля», а те, «кому следует». А остальные, в том числе и сотрудники НКВД, решали другие задачи.

Победа над левым крылом политического спектра Республики — дело не только коммунистов, но в той же степени — и правого крыла ИСРП. Эти две силы разделяют ответственность за падение правительства Ларго Кабальеро практически в равных долях.

Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что лидеры КПИ «приписывают себе в актив свержение правительства Кабальеро, тогда как режиссура кризиса была полностью в руках Прието». Более осведомленные работники НКВД зачеркнули слово «полностью» и заменили на «фактически»[1169]. Если Прието был режиссером кабинетной комбинации, то коммунисты — инициировали сам кризис. И пусть не все шло по нотам, но в итоге выиграли обе эти силы. Они и составили основу нового «майского» режима.

* * *

Правительство широкой антифашистской коалиции во главе с Ларго Кабальеро сменилось более узким по составу правительством Народного фронта во главе с Негрином. Негрин сохранил за собой также пост министра финансов. Военным министром стал И. Прието, что гарантировало сохранение старого стиля войны. Приетист Х. Сугасагоитиа получил пост министра внутренних дел (коммунисты, сохранившие свои прежние министерства, получили также очень важный в сложившейся ситуации пост главы службы безопасности). Иностранные дела перешли к Хиралю — либералы получили шанс договориться с Францией. Другой либерал Х. де лос Риос стал министром общественных работ и связи (общественные работы — традиционная вотчина левых, но теперь курс сдвигался вправо). Министром юстиции стал баскский националист М. Ирухо, а министром труда — каталонский Х. Айгуаде[1170].

Власть на местах формально перешла в руки муниципалитетов, хотя реальная сила оказалась у партий, победивших в мае и доминировавших в комитетах Народного фронта. Отсутствие лидеров крупнейших профсоюзных организаций в правительстве (сторонники Ларго Кабальеро продолжали сохранять свои руководящие позиции в ВСТ до осени) ослабляло координацию борьбы с франкизмом, но облегчало решение внутривластных задач победившей группировки.

Новое правительство было сформировано к вечеру 17 мая. Но чиновники стали переориентироваться раньше. Уже 16 мая «Аделанте» и «Фрагуа социаль» вышли с цензурными пропусками[1171]. Зато правительство поддержал не только официоз ИСРП «Эль Социалиста», но и орган ВСТ «Кларидад».

После напряжения последних дней Ларго Кабальеро заболел, и это не дало ему дать волю гневу. Альварес дель Вайо рассказал Кольцову, «что болезнь помешала Кабальеро

выступить против коммунистов со специальным заранее подготовленным документом, в котором он обвиняет компартию в подготовке переворота и военной диктатуры во главе с коммунистом генералом Миаха»[1172].

Лидеры ВСТ и НКТ заявили, что не будут участвовать в правительстве без Ларго Кабальеро. «Хождение во власть» для анархо-синдикалистов закончилось[1173]. Ф. Елинек писал тогда об одном из министров-синдикалистов: «Х. Пейро вернулся к своей работе стекольщика в Матаро. Вероятно, это единственный министр в истории, который вернулся назад к ручной работе, с которой ушел»[1174].

18 мая «Кастилия либре» и «СНТ» охарактеризовали новое правительство как контрреволюционное. Выпуски были конфискованы[1175]. «Солидарidad obrera» вышла с передовицей «Создано контрреволюционное правительство». Иронизируя над лозунгом нового кабинета «Правительство мира и войны», «Солидарidad obrera» писала, что это правительство мира с буржуазией и войны с пролетариатом[1176]. НК НКТ принял решение, что «не дает ему никакого сотрудничества»[1177]. «Солидарidad obrera» писала, что началось возвращение «к позорному прошлому, существовавшему до 19 июля, идут к „реставрации“, к контрреволюции». Законные органы демократии — это не парламентаризм, это «ничего другого, как профсоюзы»[1178]. Анархо-синдикалисты надеялись, что все же «революция не провалилась и не провалится», потому что «причины, исторически определяющие необходимость политико-экономического переустройства общества, не исчезли»[1179].

Действительно, революция будет продолжаться вплоть до окончания Гражданской войны, но уже «по нисходящей». Созданным ей структурам производственной демократии придется вести трудную борьбу за выживание.

После того, как политическая партия была выиграна, коммунисты предприняли первые шаги к возвращению НКТ в единую систему «Народного фронта», пытаясь представить смену кабинета как тактическое, личностное событие. 18 мая «Требаль» писала: «Мы скорбим, что испанские организмы НКТ и ВРС не дали товарищу Негрину свою непосредственную помощь и свое конкретное сотрудничество, вещь, означающая странную и неожиданную приверженность к известной личности, а не к программе; положение, полное опасностей, так как оно оставляет открытую дверь к главенству, вполне отвергаемому массами»[1180]. При этом обе стороны прекрасно понимали, что между курсами правительств Ларго Кабальеро и Негрина существуют именно программные различия. Призыв КПИ был обращен не столько к лидерам НКТ, сколько к анархо-синдикалистским массам, еще не осознавшим суть происходящих перемен.

Коммунисты пытались изобразить дело так, что «новое правительство представляет всех антифашистов». Хотя теперь в нем нет представителей профсоюзов, но правительство представляет «рабочие массы Испании... через их самые подлинные, самые соответствующие для представительства организмы: политические партии»[1181]. Партократия возобладала.

«Френте рохо» победно выводила падение правительства Ларго Кабальеро из невыполнения им требований коммунистической манифестации 14 февраля (которая, собственно, и положила начало наступлению коммунистов на правительство) — сосредоточение власти в руках правительства, единое командование, сдача оружия правительству, чистка высшего состава[1182]. Теперь можно было реализовать эту программу. Правда, это не поможет выиграть войну. Парализовав революцию, новое испанское руководство убьет стимулы самоотверженной борьбы за победу.

Санчо Пансы свергли Дон Кихота.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:54:23

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:57:17